

К 100-ЛЕТИЮ А.А. ТРОФИМУКА

лишь теорией. Так, прежде чем приступить к бурению скважин, необходимо выполнить различные подготовительные работы. Они отнимают 2—3 года. Представьте, у вас есть всё, что требуют инструкции. Как идёт освоение? Пробури, допустим, десять скважин, мы чётко видим: под нами — триллионы кубометров газа. Казалось бы, бери и осваивай. Ведь какой спрос на сырьё! Но не тут-то было. Чинчик из комиссии по запасам изрекает: пока не пробуриете 100 скважин, которые предусмотрены, не приходите! А на это, замечу, потребуется 5—10 лет и плюс затраты. Таковы издержки ведомственной разобщённости. Спрашивается: как же это увязывать с государственными интересами? В военное время такие вопросы решались за несколько месяцев.

А чем измеряется эффективность работы буровиков? Всё тот же пресловутый вал живёт и ныне. Неважно, какие запасы нефти ты открыл, неважно, какого она качества. В героях ходит тот, кто дал большее количество пробуренных метров. Умнепостижимо!

Весь мир ищет нефть и газ по косвенным признакам — геологическим, геохимическим, геофизическим. В лучшем случае только треть из ста скважин попадает в месторождения. Заметьте: одна скважина стоит 2—3 миллиона рублей. Такое расточительство терпеть больше нельзя. Наука должна и может значительно снизить эти потери. Есть революционные методы поиска — сейсморазведка, электронная разведка, космическая... Что же нам мешает всё это внедрить? Низкие технические средства и отсутствие заинтересованности ведомств в улучшении качества работы, в её конечных результатах.

Если наука решительно поворачивается к нуждам общественного производства, то производство должно активно воплощать идеи науки. Мы должны стремиться к «монокристаллу» науки и производства, о необходимости которого говорил В. И. Ленин. Таков курс и перестройки.

Если мы действительно ратую за научно-технический прогресс, то, наверно, надо учитывать и уровень производства развитых стран. То есть ориентироваться на разработку такой техники и таких технологий, которые заведомо совершеннее используемых за рубежом. Это относится к любой отрасли народного хозяйства.

К сожалению, промышленность ещё не очень-то интересуется новейшими, а особенно революционизирующими разработками; не везде изжита ведомственность. Но, думаю, дела поправятся с переходом на полный хозрасчёт на основе самофинансирования предприятий.

— Вас, Андрей Алексеевич, справедливо считают человеком огромной целеустремлённости, большевистской принципиальности и мужества, поистине одержимым человеком. Одержимость, вероятно, ценнейшее человеческое качество, которое способно сокрушать преграды, будоражить умы, пробуждать энергию, увлекать... А вот самого человека обязывает ли одержимость к чему-либо?

— Безусловно. Одержимость, как я понимаю, неотделима от нравственности. Одержимость — это особое состояние внутреннего мира личности, стихия души, если хотите. Но тут надо крепко стоять на ногах, дабы не потерять голову. Ведь можно увлечься так, что окажешься в плену иллюзий. От ошибок, конечно, никто не застрахован, но надо иметь мужество вовремя остановиться, не поддаваться сиюминутным интересам.

Когда же верх берёт не долг, а эгоистические желания, когда во внутреннем мире личности господствуют внешние стимулы — карьеризм, власть, обогащение, когда потеряна нравственная ориентация, то тут одержимость уже другого качества. Человек, побуждаемый благороднейшими целями, идет к ним бескорыстно, нередко терпя нужду и лишения. А человек, одержимый эгоистическими потребностями, может стать социально несостоявшейся личностью. Взять хотя бы такую личность как Т.Д. Лысенко, который на протяжении многих лет, не считаясь ни с кем и ни с чем, шёл напролом, внедряя свои антинаучные концепции. Эта деятельность уже носила преступный характер. Ведь одержимый лжеучёный погубил почти весь цвет советской биологии, заморозил многие прогрессивные научные направления. Конечно же, верные науке люди как-то боролись с Лысенко, противостояли ему. К примеру, известный советский генетик Н.П. Дубинин. Но поймите — это была неравная схватка.

Видите, к каким печальным последствиям может привести подобная — неуправляемая — одержимость. А история с Байкалом? Тоже ведь своеобразный урок.

— Андрей Алексеевич, как могло дойти до того, что это уникальное озеро сегодня надо спасать от загрязнения? Вы вместе с академиком М.А. Лаврентьевым, членом-корреспондентом Г.И. Галазием и другими учёными не раз били тревогу, говорили об отрицательном влиянии хозяйственной деятельности, которая разворачивалась в бассейне Байкала. Говорили, доказывали, убеждали... и всё же...

ста для комбината? Тщетно, нас уже не слушали. А тут ещё к сожалению, в академии появились откровенно одержимые карьеризмом люди, которые, позабыв о гражданской и научной чести, стали во главе с академиком Н.М. Жаворонковым «доказывать» безопасность целлюлозно-бумажного производства для экосистемы озера Байкал.

Академик Жаворонков мыслил с размахом — не один комбинат, а как минимум два-три можно ставить! Дескать, Байкал большой, загрязнить его — дело немислимое... Какая дикая безграмотность...

Хорошо, соорудили комбинат. Ради чего? Где его чудо-продукция? Где его кордная целлюлоза класса «супер-супер» для производства шин? Ведь комбинат не дал ни грамма обещанной целлюлозы. Это наглый обман, и весьма печально, что на него поддались. Печально, что в байкальской истории далеко не до конца принципиальными оказались тогдашние президенты АН СССР М.В. Келдыш и А.П. Александров. Я не хочу сказать, что все наши усилия свелись на нет.

Худо-бедно стали выделять какие-то деньги на охрану озера, было привлечено внимание общественности, да и ретивые хозяйственники не так вольготно себя чувствовали вокруг Байкала.

— В своё время вы хотели возглавить Лимнологический институт. Чем объяснялось столь необычное решение? Вы всё-таки геолог...

— Партийность — прежде всего и раньше всего... Дело в том, что директор Лимнологического института член-корреспондент Г.И. Галазий — человек убеждённый, принципиальный. Он как мог противился развитию промышленности в

Ведь опять была комиссия, и среди прочих её решений есть решение и об «укреплении руководства института». Выступая в Иркутске, писатель Валентин Распутин с возмущением говорил: «Что это — месть? И это за его старания спасти Байкал?!» Так ли нам Ленин завещал обращаться с кадрами?

То, что нам завещано Октябрем, ещё надо отстаивать и отстаивать. Мы не имеем права пятиться назад, отступать от большевистских принципов, а тем более сейчас, в эпоху перестройки.

— Андрей Алексеевич, а вам не приходилось сталкиваться с такими рассуждениями: мол, тогда, в 20—40-е годы, всё было гораздо проще, было ясно, против кого и как бороться. А сейчас? Ведь время совсем иное. Против кого же бороться, от кого защищать идеалы Октября?

— Революция продолжается в борьбе с застоём, с механизмами торможения, она продолжается в

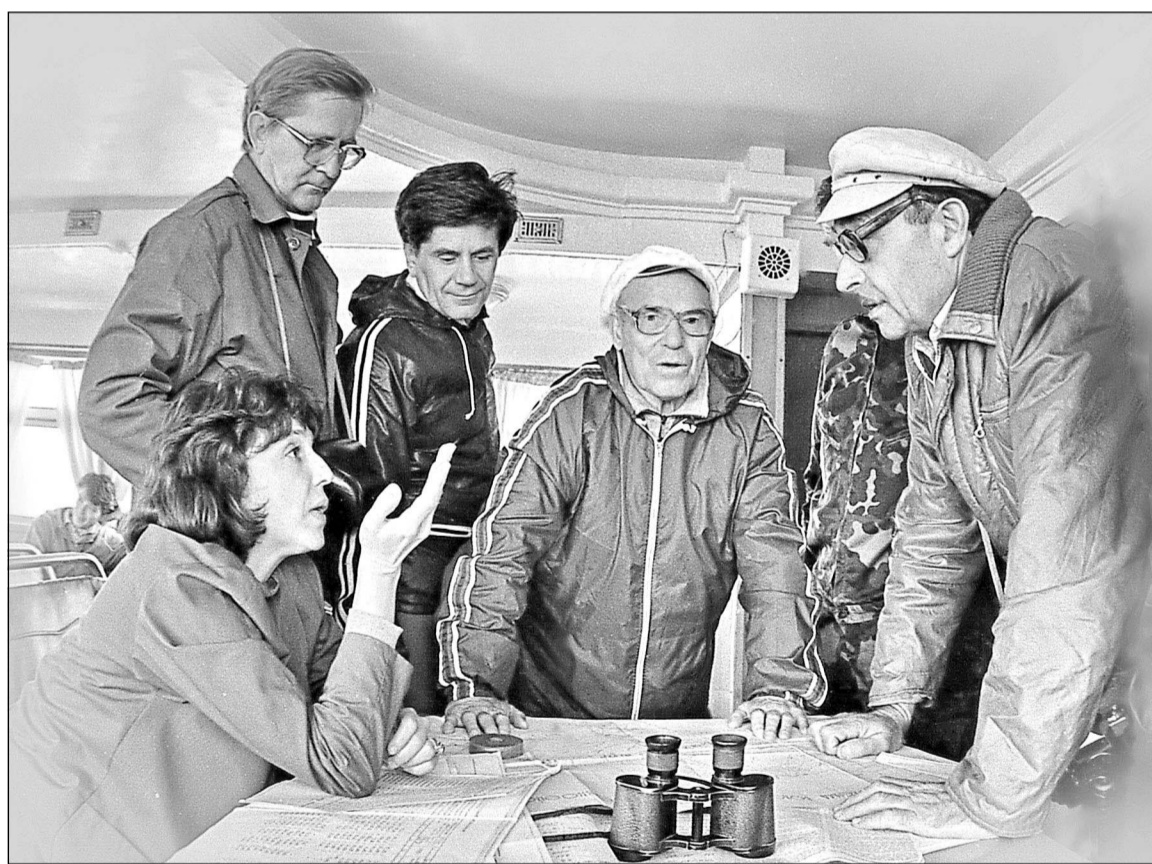
быстроты и энергии».

Но бюрократы ведь тоже перестраиваются, меняют свою личину: наловчились говорить правильные слова, ратуют за преобразования, словом, как могут, подыгрывают перестройке. А вы присмотритесь к ним в жизни и увидите, как в столкновении с новым, прогрессивным обнажается их сущность. Они уходят от принципиального, творческого разговора, ловчат, прикрываясь всевозможными инструкциями, циркулярами, всю свою энергию направляют на сохранение своих административных позиций, на сохранение своего кресла... Да, с бюрократом бороться непросто. Вот тут-то и должны проявиться наши убеждения, бойцовские качества. Бюрократизм надо изболтать, предавать гласности. Бывает трудно и больно. Но истинные революционеры не гнутся. Лишения, препоны, гонения только закаляют бойцов, увеличивают их энергию, возбуждают силы, с которыми крепнут и мускулы. Успех не приходит без боя. А тылы у нас надежные — развивающаяся демократия, гласность. За молодежь — инициатива, самостоятельность. Сейчас себя можно проявить в любой сфере. Перестройка обязательно высветит талантливых, способных, дающих людей и выдвинет на авансцену социально активную личность, которая обладает всеми необходимыми качествами для решения самых серьёзных задач нашего времени.

У нас нет основания драматизировать положение. Перестройка утверждает, мужает, и мы всё больше убеждаемся в том, что встали на верный путь. Перестройка, начатая партией, — это второе дыхание нашей жизни. Перестройка — гимн человеку! Она даёт возможность творить, возвыситься над собой, даёт понять, что ты не винтик, не робот, слепо исполняющий чужую волю, а творец, создатель. Люди пробуждаются, раскрываются их таланты и способности, общественный интерес становится интересом индивида — создаются предпосылки для формирования всесторонне развитой личности. Все принятые законодательные акты как раз и направлены на это. Вчитайтесь в Закон о социалистическом предприятии. Ведь это поэма о творческом труде. Закон глубоко нравственный, он как бы ненавязчиво подводит нас к мысли, что человек должен стесняться работать плохо, когда ему предоставляются все возможности для самовыражения. И мы должны учиться творить. В этом залог, гарантия успеха перестройки. Творческий труд — двигатель прогресса.

Жить надо так, чтобы и по нам потомки сверяли время. В этом суть одержимости — революционной одержимости.

Беседу вёл Сергей Каленикин
На снимках В. Новикова:
— А.А. Трофимук;
— С.И. Галазий;
— в экспедиции по экспертизе проекта Туруханской ГЭС.

— Попробую пояснить. Ещё в 1958 году, когда возник нелепейший вопрос о строительстве на Байкале целлюлозно-бумажного комбината, сибирские учёные твёрдо высказались против этого авантюрного проекта.

Почему авантюрного? Потому что знали: как бы заводские стоки ни обрабатывались, они всё равно занесут в озеро губительные для его фауны компоненты.

Нас, сибирских учёных, успокаивали, уговаривали, призывали, чтобы дали «добро» на «конвейер смерти», как мы тогда окрестили промышленные стоки. А затем сработал рычаг волевого решения.

Спрашивается: на чём это было основано? Что, на всей территории СССР так и не нашлось другого ме-

бассейне озера. Не всех эта позиция устраивала. Вот и была создана специальная комиссия. На Галазия началось давление. Его уговаривали, чтобы он отступился, признал свои ошибки (!), успокоился, наконец... Галазий отказался от сделки, и в результате — решение об «укреплении руководства». Кому не известно, что оно означает? Чтобы институт не оказался в руках человека, которому были бы чужды интересы Байкала, я и обратился с просьбой о назначении меня директором Лимнологического института. Вероятно, моя решимость заставила задуматься некоторых ответственных работников. Галазия оставили на прежнем месте, но ему и сегодня не дают спокойно работать.

трудной борьбе с конкретными социальными противниками перестройки. Наивно полагать, что они канули в Лету. Противники есть. Среди них — иждивенцы, обыватели, люди с мелкобуржуазной психологией — потребители... Им всё равно, какие идеи восторжествуют, их всё устраивает на белом свете, всё, кроме потери питательной для них почвы. Но главный противник — бюрократ. «Партия, — говорилось на XXVII съезде, — должна объявить решительную и беспощадную войну бюрократизму. Владимир Ильич Ленин считал особенно важной борьбу с ним в переломные моменты, во время перехода от одной системы управления к другой, когда требуется максимум деловитости,